

Гва
Кобрей
Хель Сорго

Дом ста детей.
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ДЛЯ
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Хель Сорго Дом ста детей. Целительница для Генерала-Дракона

<https://litres.ru/74214069>

Аннотация

В новом мире на моём попечении оказался детский приют. За малышами никто не ухаживал, ведь таинственная болезнь скосила всех взрослых в округе... Кроме меня и раненого мужчины, который по заявлению детей упал с неба. Мне нужно разобраться, где я оказалась, помочь малышам и... обрести настоящую любовь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	76
Глава 13	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

– Ты моя мама?

Небесно-синие глаза смотрели на меня снизу вверх, наполняясь слезами. А я пыталась сдержать всё нарастающую панику.

Вокруг развалины, местность, будто после урагана. Деревянные и каменные хижины почти все разрушены так, что жить в них больше не представляется возможным. Плодовые молодые деревца, что росли у обочины разбитой дороги и во дворах, некогда ограждённых заборами, почти все сломаны и обожжены.

Я не понимаю, как оказалась здесь. А главное, это самое «здесь», это где? Последнее, что помню, это свет фар и оглушительный лай моего пса, который сейчас, грозный и лохматый, жалобно жался к моим ногам, не обращая никакого внимания на маленького мальчика передо мной.

Видимо Шмеля, как и меня в этот момент, заботила больше обстановка вокруг, незнакомые виды и запахи. Даже небо, казалось, выглядело как-то иначе...

Но после вопроса, не мама ли я, сердце моё болезненно сжалось.

– Нет, малыш, – прошептала пересохшими губами, присаживаясь перед ним так, чтобы наши глаза оказались на од-

ном уровне.

Ребёнку на вид лет пять. Но может он и старше, просто из-за худобы и растянутой длинной рубахи на нём, из-за которой он казался ещё более хрупким, разобрать было сложно.

– А почему ты спрашиваешь, я на неё похожа? – мысли мои лихорадочно сменяли одна другую, вот и задала такой странный вопрос вместо какого-нибудь более правильного.

Однако ответ последовал неожиданный и вовсе не от мальчика.

– Он не знает, у него её никогда не было, – показалась из-за угла наполовину обваленной каменной стены босоногая девчонка с двумя иссиня-чёрными косичками.

Ближе подойти она не решалась. А в тонких руках держала какую-то палку, явно ощущая себя с ней в большей безопасности передо мной, чужой и незнакомой девушкой.

– Как это? – удивилась я, тем временем озираясь в поисках своего пасынка. Точнее, племянника, которого с недавних пор должна воспитывать сама.

– А вот так, – с вызовом произнесла девчонка и сделала настороженный маленький шагок в нашу сторону, – его дедушка растил, пока отцы воевали, но от болезни помер. Мы и папку его не помним, но, может, он ещё вернётся и Милаха сам узнает. Война то, как ни как, закончилась.

– Или уже вернулся! – воскликнул малыш.

– Не, – качнула девочка головой, – тот взрослый на твоего папу не похож.

– Откуда знаешь, если моего папу не видела? – заспорил Милах.

– Но на тебя ведь он совсем не похож! То есть, ты на него. Тот воин, здоровяк, красавец. А ты, словно принцесска, – показала она ему острый кончик алого языка, дразнясь.

– Стойте-стойте, – замахала я руками, поднимаясь и глобоко вздыхая, пытаюсь привести мысли в порядок. – Взрослые здесь есть? У тебя-то, – посмотрела на вмиг помрачневшую девочку, – родители дома? Я могу с кем-нибудь поговорить?

Она как-то колко усмехнулась, продолжая буравить меня враждебным взглядом серых, тёмных-тёмных глаз. – Дома? В нашем доме нет взрослых.

– Здесь нигде, – добавил Милах, – нет взрослых. Давно уже. Ну, разве что...

– Тише, – зашипела на него девочка, – молчи! А то вдруг заберёт?! А нам бы такой пригодился.

Здесь я окончательно потеряла нить разговора.

– Кого заберу? – решила я всё же уточнить.

Девочка пожала острыми плечами:

– Ну, мужчину.

– Какого ещё... – сощурилась я, но не от солнца, что заливало улицу невесомым золотом, а от головной боли, и осеклась, услышав позади знакомый и родной голос.

– Марьяна, я ничего не нашёл.

Я обернулась к племяннику и заключила его, запыхавше-

гося и встрёпанного, в крепкие объятия.

– Просила же никуда не убегать!

– Пусти, – высвободился он.

Слава всегда был колючим, как ёж! А здесь ему ещё и двенадцать недавно исполнилось. Переходный возраст, я, как опекун, новое место жительства... Понимаю, что у него выдался нелёгкий период. Но, ох, и даст же мне прикурить этот парень!

Если мы отсюда выберемся, конечно, и вернёмся домой невредимыми.

Я досадливо закусила губу.

– Это кто? – тем временем разглядывал он детей, на их фоне выглядя на удивление большим и сильным, едва ли не светящимся в своей светлой лёгкой джинсовке и белых кроссовках.

Дети же в ответ разглядывали его одежду с не меньшим интересом, чем его самого.

– Ася, – представилась девочка, – и Милах. А ты?

С ним она говорила с куда меньшей враждебностью, чем со мной, видимо, всё же признав за своего.

– Слава, – представился он. – Куда мы попали, где мы?

– В Ирионе, конечно.

– Что за Ирион? – обернулся Славка ко мне.

Пёс мой начал скалиться. Даже здесь, не пойми где, Шмеля волновал мой племянник больше всего на свете. Не ладят они. И я рефлекторно схватилась за кожаный ошейник.

– Не знаю... Так, стойте, – ещё пару раз вздохнула и бросила на Милаха требовательный взгляд. – О ком вы там говорили? Веди меня ко взрослому! Обещаю никого у вас не забирать, чтобы это ни значило...

Мальчик, подумав немного, не обращая совершенно никакого внимания на предостерегающее шипение своей подруги, всё же согласно кивнул и побежал вверх по дороге.

– Он там лежит, у великого дуба! Мы его поднять не смогли. Ну, и побоялись поднять, раненый ведь всё же. Но воду ему носили. Воду ещё кое-как, – частил он на ходу, пока мы шли следом, – дать ему смогли. А вот еду совсем не ест. Спит ведь. Но это и хорошо, – протянул он простодушно, – еды у нас и без того мало.

Чем ближе мы приближались к таинственному взрослому, тем сильнее я ощущала тревогу Славки, который начал жаться ко мне почти так же, как Шмель, только с другой стороны.

Разрушенную часть города мы оставили позади быстро, спустились вниз по склону, миновали маленький, но живой ручей и оказались среди дубовой рощи. Никогда прежде я не видела деревьев с такими толстыми стволами и настолько густой и обширной кроной, что, глядя вверх, захватывало дух!

А воздух какой! Лёгкий, кристальный, с ароматом прелой листвы и едва уловимыми нотками йода.

Но вот деревья начали редеть, тропинка, по которой мы шли, становиться всё заметнее, и мне открылся вид на зелё-

ную равнину, посреди которой рос дуб, какому не было равных! Даже подходить к нему было как-то не по себе, словно я шагала к древнему божеству из легенд или готовилась прикоснуться к сказке...

Только вот сказки, настоящие, старые, от которых в наши дни берегут детей, переписывая их, вовсе не такие светлые, как принято считать.

Когда мы оказались под густым сплетением ветвей и подошли ближе, я увидела мужчину, лежащего в спутанной, примятой траве.

Белые длинные волосы едва заметно покачивались на травах, веки дрожали, бледные губы плотно сомкнуты, красивое, мужественное лицо напряжено, будто мужчина даже будучи без сознания пытался сдерживать боль. И почти никакой одежды... Рваные простые штаны и жалкий клочок шёлка на руке, который некогда являлся рукавом рубашки.

Взгляд сам собой пробежался по рельефному, крепкому телу и стыдливо вернулся к лицу.

– Вот, – горделиво указал ручонкой Милах на мужчину, вставая у его головы. – Это он.

Ася замерла неподалёку, всё ещё недовольная, что мне, незнакомке, открыли их находку.

– И давно он так? – спросила я, опасливо подбিরаясь к нему ближе.

– Дня четыре, – задумчиво протянула девочка.

А моя паника всё нарастала. Я будто оказалась в дурном

сне, где непонятно за кого следовало бояться сильнее.

– Что с ним? – склонилась над мужчиной.

Молодой, с холодной внешностью воина. С чем-то неуловимо-притягательным в облике, даже сейчас, когда так тяжело вздымалась его грудь от дыхания, а пальцы, длинные и светлые, едва уловимо подрагивали от боли...

Мои дрожали куда заметнее, будто от холода. Да и правда были ледяными. Но мужчина даже не вздрогнул, когда я коснулась жилки на его шее.

Сердце билось у него, как бешеное. От атласной кожи исходил обжигающий жар. И только сейчас, оказавшись настолько близко от него, я заметила тёмные пятна крови, расплзшейся под его спиной и уже почти полностью впитавшийся в землю.

– А дом наш вон там, – как-то невпопад поведал мне Милах, махнув рукой в сторону, указывая на высокое тёмное здание в конце равнины, прячущееся за реденькой полосой тонких деревьев.

Я облизала пересохшие от волнения губы и спросила ещё раз:

– И взрослых там нет?

– Не-а, – мотнул Милах головой, позволяя своим золотым локонам рассыпаться по худеньким плечам.

– А сколько там детей?

– Мы не считали, – сложила Ася на груди руки, хмурясь.

– А просто постарше кто-нибудь есть? – не теряла надеж-

ды я.

Ася задумалась.

– Хм... Софи пятнадцать, кажется. Но она лежит в горячке.

Боже, там ещё и болеющая девочка!

Надо было срочно что-то решать.

Точнее, прямо сейчас. Потому что раненный незнакомец внезапно открыл янтарные глаза, которые вмиг будто вобрали в себя солнечный свет и растрескались на нём, создавая сеть причудливых узоров, взглянул на меня и попытался подняться. Да только двигался мужчина напрасно... Тело его пробила резкая дрожь, из уголка губ пробежала струйка алой крови, и он вновь замер на земле, крепко сомкнув веки.

Я коротко вскрикнула, столбенея от противоречивого желания отступить и броситься к нему на помощь. Но решила, наконец, что делать...

*
 Дорогие читатели, добро пожаловать в историю, где мир после множества бед восстанавливается и переживает в более правильный и чарующий, чем раньше. И делается это руками героини и многих детей, а значит история будет полна волшебства и света, вопреки всему и несмотря ни на что. Конечно, не обойдётся и без любви, грозных драконов и интриг.
 Надеюсь, книга вам понравится и вы останетесь со мной и героями до самого конца!
 Это очень важно для меня, особенно теперь, когда восстанавливается и мой мир после долгой череды неприятно-*

стей.

Глава 2

Днём ранее.

Я не умею плакать на глазах других, поэтому шла к метро, крепко вцепившись в телефон, будто за руку держа подругу, которая терпеливо выслушивала меня с «той стороны провода».

– В общем, он сказал, что не изменял мне, – закончила я долгий рассказ о недавней ссоре с моим женихом. – А то бельё, якобы, было мне подарком, но я нашла не вовремя.

«Угу... – отозвалась Ира. – И ты поверила?»

– Нет. То есть, мне бы хотелось, – порывы ветра всё пытались забраться мне под серое лёгкое пальто, и я на ходу запахнулась плотнее, – но бельё... это какой-то слишком уж интимный подарок. Выглядит тогда, как намёк. Мне это не нравится.

Подруга усмехнулась, я слышала это по голосу:

«Слушай, Марьян, ты уже не маленькая, а? Уже пора бы... Что за дурацкий принцип свадьбы ждать? Я где-то Глеба понимаю... Даже если бы изменил, знаешь ли».

Я резко остановилась, так и не спустившись по ступеням в прохладный тёмный переход.

– Что?!

И это говорит мне лучшая подруга, с которой мы дружим

ещё со школьной скамьи?

«Тебе сколько, двадцать пять уже? Не считаешь, что ты припозднилась как-то? Прости за откровенность, конечно».
– Я хотела быть в нём уверена.

«Да в чём именно? Нормальный мужик. Взрослый, к слову, он не мальчишка у тебя давно... При деньгах. Вроде, не урод. Предложение тебе сделал. Что смущает-то? Что он тебе работать не даёт? Да многие только мечтают о таком, чтобы за мужем быть. Понимаешь, за-му-жем!» – по слогам пропела она.

– Это не просто «не даёт» работать, Ир. Я мечтала открыть чайную лавку с детства! А он мне все дела сорвал и пригрозил, что если даже вопреки его запретам всё устроить смогу, то он её сожжёт.

«Может его достало просто, что ты и не спишь с ним, и с травмами своими, как ведьма, носишься? Помнишь, ты в детстве всё фильмом бредила, где девушка специи продавала и типа колдуньей или кем была? Вот она тоже с мужиками ни-ни. Видимо, тебе меньше сказок смотреть надо было! Конечно, мужика бесит всё это. Ещё и прицеп появился... Вот Глеб и на нервах».

– Я не поняла, – продолжила путь, а всё вокруг словно в дымке от сдерживаемых слёз, – ты на чьей стороне? Слава никакой не прицеп, а мой племянник! Его мать скоро от аппаратов отключат, побойтесь бога так говорить!

Ира вздохнула, настолько шумно и устало, что я сразу по-

няла – она закатила глаза и лишь терпит меня сейчас, а не пытается выслушать и поддержать.

Видимо, зря я ей позвонила и всё на неё выплеснула...

«Я просто говорю, что Глеб нормальный мужик у тебя. Не сомневайся. Успокойся и иди домой... Ты где сейчас, к слову?»

– В метро.

«Угу, хорошо... Ну, давай там, выше нос, подруга! И не дури».

Я спрятала телефон в карман. Мерзкое чувство осталось после разговора, вроде и успокоить меня пытались, а ощущение, будто не поняли, да ещё и грязью облили...

С этими мыслями я простояла в электричке и вышла на следующей станции, откуда уже на автобусе добралась почти до самого дома. Оставалось пройти совсем ничего, повернуть в переулок, а там...

А там я увидела на обочине машину Глеба. Дверца у водительского сидения была открыта. Видимо, не смог открыть запертые мною ворота, вот и ожидал в машине. И, возможно, поэтому меня ждала очередная разборка... Он ведь просил не запирасть их. А может Глеб приехал и для того, чтобы окончательно помириться, не знаю.

Он уже почти год ухаживал за мной, казался неплохим человеком. Всё, что меня смущало, оправдывал «старой школой». Но когда я этим же оправдала некоторые свои принципы – высмеял.

Не знаю, что и думать. Хотя, будто бы, ничего такого и не произошло. И предложение мне он сделал. И цветами каждую неделю одаривает... Он казался мне старшим другом, опорой, защитником. Мы условились, что продадим мой дом, который остался мне от родителей, и переедем к нему в новенькую и просторную квартиру. Деньги же положим на счёт для наших будущих детей. Глеб мечтал о детях, что меня подкупало. Но что и слегка тревожило... Потому что я вот не была уверена, готова ли.

Может поэтому он так остро отреагировал на Славку? Мол, от детей отнекивалась, а чужого взяла вопреки недовольству мужа?

Глеб уже считал себя моим мужем... Это тоже подкупало.

Но Славка не был мне чужим, и бросить мальчишку на произвол судьбы я не могла. Не смогла бы спокойно жить, зная, что родной по крови человек находится в стенах интерната, думая, будто никому на этом свете не нужен.

Сложно... Но лучше, наверное, и правда помириться. Прекратить накручивать себя и помириться окончательно.

Но моё решение разбилось вдребезги, когда я подошла ближе и увидела, что Глеб в машине не один.

Ира сидела на его коленях, поцелуем впившись в его губы, как пиявка, а Глеб, вместо того, чтобы её оттолкнуть, лапал и оглаживал мою подругу своими загорелыми руками.

На меня будто вылили ведро кипятка. Я не могла ни сказать что-либо, ни сделать. Просто стояла, как рыба, хватая

воздух ртом, у открытой дверцы, и смотрела.

Ира ведь наверняка специально всё подстроила так, чтобы я увидела. Сомневаюсь, что спросила она, где я, заботясь о том, чтобы я не застала эту картину. Нет, наоборот, ей явно хотелось, чтобы я увидела!

И зачем только выслушивала мои откровения перед этим? Зачем? Наверное, это показалось мне в моменте самым мерзким, даже хуже самой измены. Ведь я делилась с ней наболевшим, важным для меня. Делилась с ней одной...

Глеб заметил меня первым и отцепил Иру от себя. Она, отплёвываясь от своих рыжих волос, деланно ойкнула и слезла с его колен на соседнее сидение, оправляя свою короткую задравшуюся юбку, и позволяя Глебу спешно выбраться из машины.

– Ты же сказала, она задерживается! – на ходу бросил он Ире, и попытался поймать меня за локоть, когда я отшатнулась к воротам дома. – Марьян, стой!

– Не смей! – вскричала я, отбегая от него прочь. – Ни слова! Я не хочу ничего слышать больше. Идите прочь! – мне удалось быстро открыть калитку и подбежать к вольеру моей немецкой овчарки. – Уйди, Глеб, – процедила я сквозь зубы, едва не рыча от злости и обиды, – иначе я выпущу на тебя собаку и мне плевать, что будет с тобой дальше! – рука моя легла на сдерживающую дверцу вольера защёлку.

Глеб помедлил, обдумывая мои слова, затем сплюнул себе под ноги и убрался с моего участка, бросив напоследок

колкое и прилипчивое:

– Чокнутая!

Я же, отдышавшись, сквозь прутья погладила морду Шмеля и спешно взбежала на ступени дома, звеня связкой ключей, чтобы отомкнуть дверь.

Старалась я зря – она оказалась открытой. Видимо, Славка уже вернулся со школы.

И я уже готовилась вздохнуть с облегчением, перешагнув порог, взяв хотя бы крохотную передышку, получив защиту родных стен, но взору моему открылось то, что вызвало новое потрясение...

Обращаю ваше внимание, что визуалы к книге можно найти в группе в ВК в разделе с альбомами. Ссылка есть в профиле: <https://litnet.com/shrt/9Og3>

Глава 3

В гостиной, куда ни глянь, были рассыпаны мои травы и дорогие сорта чая. В воздухе витал лёгкий аромат сушёных белых роз, розмарина, мяты и чабреца, лаванды, вербены и дымки из хвойных ноток, источаемой маленькими шишками, которые я заметила у ножек кресел.

Судя по всему, баночки с ними были сбиты с высокого комода, где я оставила их на время, не успев рассортировать, и разлетелись вдребезги, ярким конфетти выпустив содержимое из оков стекла. Всё попытались убрать, но мелкие частицы намертво вбились в длинный ворс кремового ковра и прилипли к диванной обивке. Но больше всего меня смутили подозрительно алые капли то тут, то там на мебели и ковровой дорожке у двери.

– Слав! – позвала я, спешно разуваясь и взбегая вверх по лестнице. – Слава, ты дома? Что случилось?!

Я дёрнула ручку двери его комнаты, но та не поддавалась. Этот паршивец стулом заблокировал дверь с той стороны. Я, конечно, могла открыть, но устроила бы дикий грохот и что-нибудь, возможно, оказалось бы сломано.

– Слава, открой сейчас же! – и добавила, сама себе до конца не веря: – Я не буду ругаться.

Раз уж и я себе не поверила, не поверил и он. А потому

голос его прозвучал едва ли не насмешливо:

– Раз ругаться не будешь, то и не иди сюда!

– Что произошло, а? Отвечай!

– Это случайно.

За объяснение мне это не зашло.

– Ещё бы ты специально так сделал! – не выдержала я. –

Открой живо, иначе...

– Иначе, что, ударишь меня?! – спросил он с вызовом.

Я оторопела. Откуда такие предположения? Славу здесь никто и пальцем не трогал... Я вообще против того, чтобы бить детей. Я против того, чтобы бить кого либо.

– Тебя дома били? – спросила я, ухом прислоняясь к двери.

Сначала ответом мне было молчание, затем раздался скрежет отодвигаемой в сторону мебели и тихий голос Славы:

– Мамин хахаль руки распускать мог. А теперь, – показался он, открыв мне, – и твой будет, да? На кой мне это сдалось всё?! Лучше в интернате быть и не терпеть вас!

Лоб у него был разбит, по лицу размазана плохо вытертая кровь. Внутри у меня всё похолодело от этого зрелища. Я тут же вытащила Славу на свет от окна в коридоре и, взяв его за подбородок, заставила запрокинуть голову, чуть оттягивая льняные волосы назад, открывая его высокий лоб, чтобы осмотреть порез.

– Во-первых, Глеба здесь больше не будет. Во-вторых, он

что тебя, обижал?

Слава смотрел на меня с вызовом и упрямством, за которым скрывал страх, что я рассержусь и действительно откажусь от него. Хотя я никогда, никогда не показывала ему своих сомнений и ни за что бы так не поступила!

В его светлых глазах дробился свет, и мне на мгновение показалось, что они наполнены слезами. Но, нет, Славка никогда не плакал. По крайней мере, я этого не видела.

– Не обижал, но будет. Знаю я таких, – наконец, нехотя прошептал он.

Я отрицательно качнула головой:

– Не будет. Сказала же. Этот гад теперь и порога нашего дома не перешагнёт. Так, – отпустила я его, убедившись, что мальчишка лишь поцарапался и ушибся, – что случилось?

– Я на осколках поскользнулся и головой об комод приложился, – закрыл он ладонью свой лоб.

– Ага... – ухватила его за локоть, и мы направились в ванную за аптечкой с йодом и пластырем. – А разбить ты как умудрился всё?

– Битой.

Я на мгновение прикрыла глаза и глубоко вздохнула, изо всех сил пытаюсь не сорваться.

– Понятно... Зачем?

Откуда у него бита я даже не стала спрашивать.

Славка в ответ лишь передёрнул плечом и принялся шипеть, когда я поднесла к его лбу ватку с йодом.

– Перекисью же можно! – запротестовал он.

– Из-за неё может шрам остаться. Не дёргайся!

– Что у вас с Глебом, поссорились? Мне он никогда не нравился, не переживай.

Я усмехнулась, но ничего ему не ответила. Благодаря Славе, пусть так и нехорошо, наверное, говорить, я немного отвлеклась и обида от предательства, двойного предательства, слегка отступила.

Сейчас меня больше заботил вопрос, не станет ли Глеб мне мстить... С него станется. Вряд ли он хотел расставаться со мной. Никогда не понимала такого... Зачем изменять, при этом не отпускать своего партнёра, которого предаёшь? Вот и сообщения уже начали приходить, после того, как я проигнорировала пару его звонков.

Сообщения я не открывала, поспешила его заблокировать и всё. Зачем душу травить? Может, мне потом и захочется пострадать, возможно, даже появиться крамольная мысль простить, но я совершенно точно буду гнать подобное от себя! И уже теперь начну отвлекаться, стараться не думать о Глебе. Иначе не засну... А у меня и без того забот и проблем хватает.

 Но ближе к ночи поняла, что не засну в любом случае... Ведь я стала бояться уже всерьёз. Потому что моя собака начала странно себя вести. И одно из сообщений Глеба звучало, как: «ты пожалеешь, Марьян».

Вдруг это было не: «ты пожалеешь, что не дала мне шанс», а что-то вроде: «ты пожалеешь, что хлопнула передо мной

дверью»?

Но не навредил бы Глеб моей собаке, верно? Это было бы слишком низко и жестоко... Он знает, как мне дорог Шмель, сколько лет этот пёс живёт здесь. Знает, что он принадлежал моему покойному отцу и поэтому ещё более важен для меня.

Я застыла у окна, из которого хорошо был виден вольер, наблюдая там очень странную картину...

Глава 4

Шмель странно себя вёл. Я слишком хорошо знаю свою собаку, чтобы не заметить это с первого взгляда. А здесь не то, чтобы первый взгляд был... Он уже больше часа вёл себя беспокойно. Но не так, как если чуял кого-то на участке или за воротами. Скорее, будто он нервничал и выглядел потеряннным.

Может быть потому, что временно поселила его во дворе? Вольер у него просторный, будка тёплая, от мороза и снега, который уже пару раз успел запорошить улицы тонким невесомым слоем, защищает неплохо. Овчарка с густым мехом, грозный и серьёзный пёс. Еды и воды всегда полно. Казалось бы, ни бояться, ни замёрзнуть, ни проголодаться он не мог.

Да и поведение его явно намекало на странную нервозность, не связанную ни с чем, о чём я могла подумать. Почему-то я была в этом уверена. И от того начинала накручивать себя ещё сильнее.

– Что, снова своего сыночка сторожишь?

Я вздрогнула от неожиданности, услышав голос племянника.

Он и был причиной выселения Шмеля из дома, уж больно они друг другу не нравились. Ума ни приложу, почему. То есть, Славка мог и из вредности собаку дразнить. Но мой добродушный Шмель то почему так на него реаги-

рует? Причём, и с поводом, и без...

Раньше я замечала агрессию Шмели только к враждебным ко мне личностям. Например, если гуляли вечером по округе и на пути появлялся подвыпивший и приставучий человек. Или на горизонте показывалась чужая крупная собака. Тогда Шмель загораживал меня собой и утробно рычал, скалясь так, что мне самой становилось не по себе.

Но Славка ведь всего лишь ребёнок... К тому же потерянный и испуганный, пусть из всех сил это и скрывает.

Общались мы с его матерью, моей сестрой, так себе: привет-пока-поздравляю по праздникам раз-два в год и всё. Сыграла роль и разница в возрасте – она старше меня на девять лет, и то, что сёстры мы лишь по отцу.

Но в данной ситуации, без наличия ещё какой либо родни, как можно было не помочь и не взять мальчика под свою опеку? Мальчика, который меня едва знает, по сути... Конечно, он был и колючим, и напуганным, и переживающим горе. Как по мне, для своего юного возраста держался он ещё весьма неплохо.

Но собаке, конечно, всего этого не объяснишь. Возможно, Славка для него – это маленький демон воплоти. Вот и скулит теперь Шмель, выселенный из дома.

На время выселенный, я надеюсь.

Я отняла руку от занавески, через которую наблюдала за Шмелем внизу и вздохнула.

– Он поскуливает... Мешает тебе спать?

Слава качнул головой.

– Не. А вот ты, да. Уже третий раз встаёшь и по дому из окна к окну бегаешь!

– Я тихо, вроде. Просто днём он так себя не вёл. Ему не нравилось там, конечно. Но выглядел он не таким, понимаешь?

И чего оправдываюсь? Только ещё сильнее подрываю свой авторитет в глазах мальчишки.

– Он обычно себя ведёт, ты просто ходишь по делам и не видишь. А вечером на еду отвлекается, поэтому спокойнее становится. Сейчас голодный, может.

Мне это не понравилось, я задумчиво закусила губу и ещё раз взглянула на Шмеля в окно.

Славка из упрямства спорит, ему только повод дай слово поперёк сказать. Так что, нет, дело здесь в другом...

Под светом фонаря, что сиял за высоким забором, собака выглядела грустной и понурой, припорошенная лёгким снегом.
А я, к своему стыду, всё никак не могла решиться и выйти в холодную ночь. Когда же собралась, набросив поверх пижамы пальто, и попыталась зайти в вольер, пёс преградил мне дорогу и начал странно перебирать лапами. Будто думая, прыгнуть на меня или нет. Или же словно у него что-то болело и мешало стоять прямо... Эта мысль всё ещё заботила меня сильнее прочих догадок.

Вдруг Глеб отравил Шмеля? Или как-то ещё навредил ему.

Поэтому было решено вести его в ветклинику. Лучше уж я покажусь мнительной, чем с собакой действительно что-то случиться.

Вернувшись в дом, я спешно начала собираться, переоделась в джинсы и синий свитер с высоким воротом, нашла все нужные документы, схватила ошейник с поводком и под скептический взгляд Славки вновь направилась к выходу.

– Ложись спать, я скоро вернусь!

– Может его ёж тревожит какой, или енот, – попытался он успокоить, сверля меня недовольным взглядом своих светлых-светлых глаз.

– У нас не водятся еноты. А ежи давно спят.

– Ну, не енот, а этот, как его, – задумался Слава, приглаживая свои льняные кудри, устало запрокидывая голову назад, – опоссум!

Признаться, водятся ли у нас они, я не была уверена. Тем более жили мы в частном доме на окраине города, откуда до леса рукой подать.

Но кое в чём я точно была уверена:

– Ноябрь, Слав. Ни ежей, ни опоссумов быть уже не должно!

– Бешеный, значит, – пожал он плечами и, как ни бывало, направился к себе в комнату.

Как только шаги его стихли наверху лестницы я, запахнув плотнее на себе пальто, поспешила на улицу.

А что, если правда какой ненормальный зверь приходит?

Тревожно.

– Шмель, – позвала, почему-то, шёпотом, подходя ближе к вольеру.

Всё вокруг в тонком слое снега и ни одного следа на нём. Я долго приглядывалась, пытаюсь разгадать загадку странного поведения пса. Поэтому немного успокоилась – неожиданных гостей здесь быть не должно.

Но как же я ошибалась...

– Шмель, ты спать мешаешь, что за скулёж опять? Поехали к врачу, сам виноват.

Он завилял хвостом, забавно склоняя голову, и заскакал у входа в вольер так, что я просто не смогла не потрепать его за ухом.

– Ну, хоть скулишь, ладно, – сменила я гнев на милость, – а то дома ты настоящие концерты заводил! Главное, будь в порядке... – попыталась надеть на него ошейник.

Изначально я пробовала поселить его на веранде, там отдельный выход во двор, поэтому можно было максимально отделить Шмеля от мальчишки. Но он выл и оглушительно, надрывно лаял, чуя рядом "чужака".

Шмель, будто услышав мои мысли и тревоги, виновато и проворно лизнул меня в лицо и я, смеясь, отступила от него, упираясь спиной о решётку, ёжась от холода. Как вдруг увидела нечто пострашнее и хуже звериных следов на снегу...

Прямо в вольере, где весь снег, казалось бы, уже был втоптан в землю и редко-растущую траву, я каким-то чудом раз-

глядела отпечаток... детской ножки?

Сердце моё ушло в пятки да там, похоже, и осталось. В голове пронёсся целый ворох догадок, от фантастических до самых ужасных. От просто трагичных, до трагичных с обвинением несчастного Шмеля. Порой вид у него и правда был такой, будто он мог бы кого-то сожрать, а если этот кто-то ещё и на его территорию посягнул...

Но Шмель продолжал добродушно ластиться ко мне, поэтому страшная догадка почти сразу же меня покинула, уступив место любопытству и предвкушению некого чуда.

Глава 5

Если подумать здраво, никто на участок, да ещё и на территорию Шмеля с двухметровой сеткой и дверцей на замке, пробраться не мог. Тем более ребёнок! А отпечаток ноги, не обутой, босой ноги, выглядел именно детским.

Наверное, просто оптическая иллюзия, не иначе.

Я погладила Шмеля по морде и смогла хитростью его оттеснить и закрыть дверцу так, чтобы он оказался снаружи, а я внутри вольера.

Надеюсь только, Славке в эту минуту не взбредёт в голову выйти из дома! Шмель был не на поводке, я не успела присоединить его. И если мой, внушительного веса пёс и не укусит, а только прыгнет, да прижмёт к земле, то переломает парнишке кости!

Я и то едва-едва сумела удержать под его напором дверцу, выталкивая недовольную морду, которой он мешал мне закрыться и защелкнуть щеколду с внутренней стороны.

Дверца тряслась под его прыжками, затем Шмель начал рыть.

Благо вокруг асфальтированные дорожки. Но комья мёрзлой земли всё равно начали разлетаться в стороны, нашёл-таки брешь! Боюсь, минут пять и действительно пророет себе путь.

Я метнулась к его будке, надо, наконец, убедиться, что там никого нет и, успокоенной, следовать первоначальному плану!

Сна этой ночью мне всё равно уже, видимо, не видать.

И я оказалась права: остатки сонливости растворились бесследно, в одно мгновение, когда из тёмного входа в конуру на меня, отражая свет фонарей, уставилось две пары чёрных глаз.

Человеческих.

Я почему-то сразу это поняла и, вскрикнув, отпрянула назад. Споткнулась об какую-то кочку (копать Шмель мастак, в вольере он делал настоящие рвы) и упала на спину.

Поднялась тут же, несмотря на искры, вспыхивающие в глазах. Путаясь в своих тёмных прямых волосах (моя гордость и единственное, что по настоящему нравилось мне в своей внешности...), зачем-то заправляя пальто аккуратнее, начала подкрадываться к будке, внимательно вглядываясь в густую темноту в ней.

В темноту, в которой кто-то шевелился и едва различимо... перешёптывался.

– Эй... – позвала я. – Кто там?

Пока панику мою пытался потеснить интерес, все прочие чувства успело потеснить ощущение, точнее, почти вера в то, что я сплю.

Потому что такое могло произойти только во сне! Сейчас вот окажется, что там не дети, а феири сидят и я окончательно-

но смогу в этом убедиться.

От правды я далеко не отошла, видимо. Потому что настолько красивых деток я за все свои двадцать пять лет не встречала.

Они выбрались наружу испуганные, белокожие, в лёгких льняных сорочках, в широких мягких, но слишком тонких для нынешней погоды штанах. Босые... На вид лет шесть, не больше, кудрявые, черноволосые. И глаза какие! Выразительные, какие-то неестественно большие для человека, но от того не менее красивые. Будь такие в каком-нибудь фантастическом фильме, любовалась бы! Но здесь я впала в небольшой ступор и от вида этих детей, и от самого факта их присутствия.

Шмель тем временем успел объезжать вольтер по кругу раз десять, оглушительно лая. Что и заставило Славу таки выйти на крыльцо... Случайно захлопнув за собой входную дверь.

– Он меня загрызёт! – вскрикнул Славка, когда понял, в какую беду попал и вместо того, чтобы забраться куда-нибудь повыше, например на прислоненную к стене у крыльца лестницу, со страху бросился к воротам.

Туда, куда побежали и найденные мной близнецы. Я даже ничего не успела сделать, и дверца вольтера всё так же была заперта. Дети проскользнули мимо и вот они уже... Исчезли? Только под воротами с той стороны промелькнули быстрые тени от их босых ножек. В то время, как Славка не успел даже открыть калитку!

– Фу, Шмель, место! – крикнула я, спеша к племяннику, пока пёс скакал вокруг него и оглушительно лаял. – Не тронь его!

Но трогать Славу он и не собирался. Его, как и меня, заботили странные дети.

Уж не знаю, как они выбрались на улицу, не знаю, кто такие, но не найти их теперь было бы преступлением! К тому же неподалёку проходила трасса, как бы они не выбежали на оживлённую часть. Или не заблудились в ночном холодном лесу...

Калитку открыла я, пропуская вперёд Шмеля, а Славу наоборот отталкивая назад.

– Иди домой.

– Совсем глупая? – выразительно изогнул Славка бровь.

Ох и дать бы ему по губам разок!

Но в чём-то он прав...

– Сейчас, – принялась я шарить в карманах пальто. Славка помрачнел, даже в неверном свете фонаря и в спешке я заметила это.

– Ты ключи дома забыла.

Я закатила глаза, не удержалась.

– А раньше ты сказать не мог?! Почему не вынес мне, раз выходил?

– Я же не собирался захлопывать дверь! Да и... думал, ты вернёшься, а я тебе не открою, – выпалил он внезапное признание. Я вспыхнула, сейчас совсем не время для его прове-

рок меня на прочность.

– Зачем?! Слав, ну зачем же? Вот, что теперь делать?

И последовало очередное, ещё более неожиданное признание:

– У Глеба своего спроси!

– Что?

– Он попросил. Мы переписывались целый вечер. Спрашивал, что ты и как, я и сказал, что уходишь.

– Боже! – я не знала, как унять гнев. – Тебе ведь он даже не нравится, так почему?

– Не знаю я! – топнул Славка ногой, и с нажимом добавил: – Просто.

Из-за всего этого он даже перестал обращать внимания на Шмеля. Благо хотя бы я не забыла о псе и умудрилась прицепить к ошейнику поводок.

– Ладно, разберёмся... – Шмель оттягивал мне руку, да и я больше не хотела медлить. – Поможешь сначала найти детей.

– Каких ещё детей? – поспешил Слава за мной.

– А ты не видел?!

– Нет.

– Они перед тобой за ворота выбежали.

– Ага, перелетели, что ли? – хмыкнул он.

И я поняла, что Слава, похоже, на этот раз не врёт мне и не хитрит.

– Не знаю, – пробормотала растерянно и кожей ощутила на себе его настороженный взгляд.

Отлично, теперь этот мальчишка сомневается ещё и в моём душевном здоровье...

Шмель тем временем замер, а затем резко рванул поводок. Но меня уговаривать на бег не пришлось: я тоже заметила у поворота какие-то тени и побежала.

Славка не отставал, хотя ему всё происходящее явно не нравилось. Однако, как-то так вышло, что за поворот он выбежал первым.

И у меня всё похолодело внутри, потому что оказались мы прямиком на трассе и первое, что я увидела, это яркий свет фар. Бросившись вперёд, чтобы оттолкнуть племянника, меня успела кольнуть мысль, что машина, летящая на нас, похожа на машину Глеба...

Жаль только – хотя разницы уже, наверное, нет – я не узнаю, специально он это сделал, или мы просто неудачно оказались на его пути.

Глава 6

Первой моей мыслью было то, что мы оказались в раю. Из почти зимы в позднее – судя по деревьям и теплу – лето. Из ночной темноты в залитое солнцем пространство. Но когда глаза привыкли к свету, а мозг осознал, что это уже не слепящий свет фар, а дневное золотое свечение, я смогла осмотреться и тогда уже различила вокруг и разрушенные дома, и обугленные деревья, и разбитые дороги.

Славка со Шмелём находились рядом, такие же запыхавшиеся и перепуганные, как и я. Только вот племянник мой и в новом мире решил проверить мои нервы на прочность и вскоре унёсся прочь, на ходу крикнув, что отправляется на разведку. То ли храбрысь таким образом, то ли правда желая помочь разобраться, как и где мы очутились, то ли от меня всё так же старался держаться подальше.

Когда случается плохое, всегда легче найти виновника или сделать кого-то виноватым. Легче, когда есть на что или кого выплёскивать эмоции, а не сталкиваться с пустотой. Видимо, у Славки это неосознанно стала я... Ещё тогда, когда заболела его мать, мальчик срывался на мне. Я понимаю.

К счастью, долго искать мне его не пришлось, он нашёлся сам, когда я встретила других, чужих мне детей.

А теперь ещё и раненного мужчину.

– Так... – на секунду закусил губу, обдумывая предстоящие шаги. – Думаю, сначала мне нужно зайти к вам домой.

– Чего это? – тут же встревожилась Ася.

– Нужно найти что-нибудь вроде носилок. Обязательно жёстких. Если у него повреждён позвоночник, то на чём-то мягком переносить его нельзя.

– Его зовут Рейн, – встрял Милах, ладошкой потирая нос перед тем, как смешно и мило чихнуть.

– О, так вы разговаривали? Рейн не рассказывал, что с ним произошло?

Это помогло бы мне понять, как именно я могу помочь. Но Милах лишь покачал головой:

– Не-а, просто надо же его как-то звать. Нельзя же без имени. Так что пока он спит, будет Рейном.

Ага... Что ж, пусть, не важно.

– А откуда он здесь взялся? В округе точно больше никого?

Они что-то говорили про войну, а здесь лежит раненный мужчина... Вдруг какой бандит? Или его кто-то ранил, а теперь разыскивает, и находиться рядом просто опасно?

Но и на это Милах отрицательно хмыкнул. Только ответила вместо него девчонка:

– Никого здесь не найдётся кроме детей, – протянула она так, словно ей уже надоело объяснять мне очевидные факты. – А он с неба упал. Много кто это видел, если не веришь.

– С неба упал! – подхватил Милах и принялся бегать во-

круг нас, весело размахивая руками, изображая полёт. – С неба упал! С неба! – затем резко остановился и поднял на меня внезапно серьёзный и вдумчивый взгляд. И таким же тоном сказал: – Никак дракон.

Я скептически покосилась на мужчину, красивого и страдающего тихо, с достоинством, даже будучи без сознания. Больше похож на какое-нибудь божество или человека. Никак не на дракона. Ни чешуи, ни крыльев, ни... что там ещё должно быть у ящеров?

Однако Ася, зачем-то расплетая и вновь заплетая одну из своих чёрных косичек, ответила малышу совсем без насмешки:

– Вряд ли... Драконов, не считая чужестранных наших врагов, сейчас раз-два и обчёлся. Все на высоких постах, – подняла она пальчик вверх, – наш будущий император и его брат. Оба сейчас делами заняты, после стольких битв. Никому из них не до того, чтобы в травке валяться!

Да уж... Я вновь взглянула на раненного. Не похоже было, что он здесь отдыхает и занимается праздными делами.

– Ну, а как он тогда, – не унимался Милах, – чего с неба упал?!

– Не знаю я, чего и как! Но уверена, что не дракон.

И только я решила, что дети начнут спорить, отнимая этим и без того немногочисленные – судя по состоянию незнакомца – минуты, Ася повернулась ко мне и со вздохом добавила:

– Ладно уж, пошли домой. Даже если ты плохая. Всё равно тоже скоро помрёшь.

Славка, возможно впервые за всё время, проведённое вместе, взял меня за руку и крепко сжал мою похолодевшую ладонь.

– Это почему? – спросил он тихо, видимо, слишком серьёзно воспринимая её слова.

Так серьёзно, что поверила Асе и я сама.

Девочка пожала плечами, качнулась с носка на пятку, развернулась и вышла из тени сплетённых дубовых ветвей.

– Почему-почему, – хмыкнула она, даже не глядя идём мы следом или нет.

Мы, конечно, шли. И Милах всё так же весело крутился вокруг, нисколько не боясь моего грозного с виду пса.

– Потому, – назидательно протянула Ася, – что все взрослые заболели. Не знаешь, что ли?

– Не знаю, – ответила я прежде, чем успела подумать.

Может, лучше было бы не показывать так явно, что мы со Славкой... из другой реальности?

И надеяться, что Ася ввиду своего юного возраста не догадается, будто что-то не так, долго мне не пришлось. Она тут же развернулась ко мне, продолжая идти спиной вперёд, не сбавляя шага и каким-то чудом не спотыкаясь при этом и не падая. Её тёмный взгляд стал ещё более колючим, она окинула им меня с ног до головы, особое внимание уделяя моим кожаным осенним ботинкам и пальто, после чего по-

дозрительно сощурилась. Но вместо расспросов, решила мне разъяснить:

– После того, как император собственнично... Собственной-личностью...

– Собственнолично, – поправил её Милах с важным видом, по пути то и дело отвлекаясь на синие цветки цикория.

– Да... После того, как император собственнично решил командовать армией, враги предприняли ужасный шаг. За это их осуждают и другие наши враги и союзники. Магия запрещена, ну, почти везде. Все знают об этом. А они насладились не то, что проклятие, а настоящую жуткую болезнь, от которой нет лечения, потому что она создана магией. Все взрослые должны были погибнуть. Дети же, как и от многих проклятий, защищены. Говорят, детей само небо бережёт... Но врагам это не мешало, они решили, что дети без родителей всё равно погибнут. И наша страна потеряла очень много жителей. Но правитель наш – дракон, как ни как! Он всё равно справился. И мы победили!

– Да, – вздохнул Милах. – Только вот, говорят, он пропал. Сбежал, преступник!

Ася на него зашипела так, что даже я вздрогнула:

– Цыц! Изменник, нельзя так о нём! Я вот не верю, это грязные слухи.

– О чём речь? – мне хотелось разузнать, как можно больше, раз уж мы здесь. Как знать, что может в будущем пригодиться.

Но Ася отвечать не спешила, и Милаха, который было уже собирался что-то сказать, пнула локтем в бок.

– Это плохие разговоры, – строго сказала она мне.

Спорить я не стала, тем более мы подходили к дому.

Если можно назвать домом высокое тёмное здание, больше напоминающее старинный каменный замок, к тяжёлым воротам которого приближались мы уже в молчании. Впрочем, тишина была нарушена довольно скоро:

– Марьяна не заболит, – Слава вновь взял меня за руку.

Я чувствовала, как подрагивают его пальцы.

– Это вряд ли, – отозвалась Ася деланно безразлично.

Видимо, ей самой не хотелось оказаться правой.

– Сколько вы уже живёте здесь сами? – спросила я, чтобы удостовериться в своей догадке. И удостоверилась, когда получила ответ:

– Уже много лун.

Сердце моё болезненно замерло.

Бедные дети. Представляю, как изголодались они по взрослым! Немудрено, что и раненного незнакомца отдавать не хотели, и меня, совершенно чужую им девушку, повели в своё убежище так просто.

– А как же вы... одни?

Ворота оказались покосившимися, открыть или закрыть вряд ли бы удалось, их края увязали в плотной каменной земле, металлические прутья были толщиной с моё запястье. Не уверена, что и рядом ходить безопасно, как бы и вовсе

не сорвались с петель, да не упали, прихлопнув нас, как букашек! Но прошли мы именно сквозь узкий проход между ними, ведь весь участок Дома был ограждён двухметровой живой изгородью с длинными и острыми, красными шипами, которые я хорошо различала даже на расстоянии.

Сам двор был почти пуст, из-за мелкой щёбёнки там росли, разве что, редкие сорняки и какие-то хилые кустики с бардовыми маленькими плодами.

И ни души... Меня это насторожило ещё сильнее. Почему-то я ожидала увидеть здесь толпу детей. Но после слов Аси испугалась, что ответ, почему этого не наблюдаю, очевиден:

– Это началось в конце зимы. В конце. Но всё равно многие... они замёрзли, кто-то наоборот... – она сглотнула ком в горле и выдавила из себя: – сгорел, слишком близко подобравшись во сне к огню или подпалив что-то от неосторожности. Голод... тоже роль сыграл. И как лечиться от всяких болячек не знал почти никто. Но потом стало теплее, и начало расти всякое, и как-то... веселее сделалось. Но теперь, как зимой будем, мы не знаем, – остановилась она у многочисленных ступеней и обернулась ко мне. – Запасов еды почти нет. А ещё с водой проблема, – махнула рукой в сторону колодца, что стоял неподалёку между кустами роз, – он засорился. Мы пробовали его как-то очистить, но в итоге Ива чуть не упал в него. Ива – это наш старший, ему тринадцать.

– Он сможет помочь нести носилки? – не зная, какие най-

ти слова утешения на всё остальное, выпалила я.

Только вот Ася посмотрела на меня, как на надоедливого глупого ребёнка.

– Он сломал руку на охоте.

Я собиралась спросить, где он сейчас и сколько вообще осталось детей, но из высоких узких окон, состоящих из квадратиков стёкол, будто кто-то хотел собрать их из осколков, и ему хорошо это удалось, начали показываться детские лица и ладошки, которыми малышня упиралась в стекло, коленками забравшись на подоконники.

– Раз, два... Шесть... Пятнадцать, – шёпотом принялась считать я.

– Идёте вы или нет? – тем временем взбежала Ася по ступеням к тяжёлым, тоже будто железным, дверям.

Что ж, я глубоко вздохнула и выдохнула, ободряюще кивнула Славке, который крепче сжал мою руку, и шагнула на первую ступень.

Пора познакомиться с детьми, узнать точно, сколько их, и как вообще обстоят дела внутри дома.

Глава 7

Как только мы перешагнули порог и оказались в просторном холле, из которого на второй этаж вели две лестницы, одна винтовая, вторая широкая и обычная, нас тут же окружила толпа малышни.

Они молчали. И это было странно. Обычно с детьми ассоциируется шум, смех, беготня... Но эти лишь рассматривали меня, снимающую пальто от жары и дующую на выбившуюся тёмную прядь волос, да на Славку. Я и сама на него поглядывала, в который раз отмечая, что на фоне исхудавших и грязных деток он выглядел старше и был настоящим красавцем.

Только вот от этого я ещё острее ощущала беспокойство за него и грусть за всех окружающих.

Что, если нам придётся остаться здесь, если не выберемся домой, и Славка тоже будет выглядеть... так?

– Мамочка! – нарушила молчание одна малышка с расплетённым бантиком на кудрявых рыжих волосах, и бросилась ко мне.

Я застыла столбом, не сразу справившись с эмоциями, когда она обнимала меня за колени, а остальная толпа зашумела и закружилась вокруг, как рой пчёл, всё норовя дотронуться, обнять, расспросить.

– Я не... – попыталась сказать об ошибке, поглаживая её мягкие волосы, и осеклась.

Точнее, меня почти перебили:

– Это не твоя мама, а моя! – выступил вперёд Милах. – Я первый её нашёл!

– Нет, это моя! Моя! – расталкивая всех, пробился к нам черноволосый мальчик лет восьми.

Очень похожий, действительно похожий на меня.

И его синие раскосые глаза наполнились слезами...

– Мама, ты вернулась! – он повис у меня на руке, лицом утыкаясь в моё плечо, и спина его задрожала от беззвучного плача.

– Ну, что ты... Тише... – шептала я, присаживаясь перед детьми на колени и обнимая обоих.

Вновь воцарилась тишина.

Сквозь пелену собственных слёз, которым с большим трудом не позволяла сорваться с ресниц, я взглядом нашла Асю.

Она смотрела задумчиво и очень-очень внимательно, после чего что-то шепнула одной из пока не знакомых мне светленьких девочек, и те закивали ей в ответ.

– Да, – наконец произнесла Ася, – очень похожа... – и уже мне, громче: – Ты почему не сказала, что не чужачка, а домой вернулась?

– А ну, отойдите все от Марьяны! – внезапно воскликнул Славка и оттащил от меня и мальчишку, и девочку. Схватив последнюю за завязки платья на спине, из-за чего та проеха-

лась пятками по полу, пока он её, словно куклу, не прислонил к одной из колонн, поддерживающих потолок. – Это моя тётя родная, ясно вам? И мы здесь ненадолго. Мы здесь... – он зло повернулся ко мне: – Что мы здесь делаем?! Нам надо скорее найти кого-нибудь и узнать, как вернуться домой. Зачем с ними возишься?

– Слав... ты ведь слышал, – прошептала я.

 – Да, сказки про войны, падающих с неба мужчин и императоров, это всё объясняет, – с сарказмом протянул он.

Шмель, который до того лишь радостно вилял всем хвостом, тихо зарычал. Я машинально похлопала его по голове, успокаивая.

– Мы же не можем просто уйти на поиски взрослых, Слава.

– Даже если бы хотели, – встряла Ася в спор, прикрывая собой хлюпающую носом девочку и утирающего глаза грязным рукавом черноволосого мальчишку, – не вышло бы. Во-первых, болото разлилось совсем, дорогу в центр затопило. Во-вторых, в центре всё ещё могут скрываться враги. В-третьих, я уже говорила, что вряд ли вы найдёте поблизости взрослых...

– А в-четвёртых, – дрожащим голосом добавил мальчик, – это моя мама. Она пропала пару лет назад, а теперь пришла. Мам, – с мольбой и надеждой поднял он на меня взгляд, – разве ты меня не узнаёшь?

Из-за всего происходящего я испугалась, что совсем поте-

ряю связь с реальность, ведь даже начала сомневаться, правда ли я не имею отношения к этому ребёнку...

Но, нет, я ведь хорошо помню свою жизнь до этого странного, похожего на сон, происшествия.

– Прости, – отрицательно покачала я головой, – ты обознался.

– У твоей мамы, Арго, шрам был на щеке, помнишь? А у этой ничего нет, – раздался мальчишеский спокойный голос за спинами остальных и все расступились, пропуская ко мне рыжего, как пламя, высокого паренька с перевязанной какими-то тряпками рукой. Он печально, но ободряюще улыбнулся Арго. – Да и моложе она... – окинул меня оценивающим, слишком взрослым и мудрым для ребёнка взглядом.

– Ты Ива? – догадалась я. – Меня зовут Марьяна, а это Слава. Я здесь, чтобы помочь, чем смогу... Но мне нужно понять, здесь – это где... И как вернуться домой.

Он слушал меня внимательно, жестом руки приказав детям соблюдать тишину. Затем обошёл нас со Шмелем по кругу, рассматривая с плохо скрываемым любопытством, как бы решая, что ответить. На Славу же даже не бросил взгляд, видимо, успев испытать неприязнь.

Славка колючка, конечно, я понимаю. Но всё равно мне стало неприятно. Племяшку своего я в обиду никогда не дам.

– А откуда ты? – наконец спросил Ива.

И я закусила губу, пытаюсь понять, как бы так ответить...

– Издалека.

– А как попала сюда?

– Кажется, – честно призналась я, – нас сбила машина...

Дети зашушукались.

– Что ещё за машина? – цыкнув на них, спросила Ася.

– Мм? – требовательно взглянул на меня Ива, приподнимая тонкие брови.

– Эм. Ме... Мерседес, – захлопала я ресницами. – Вроде. Я в марках не разбираюсь.

Ива склонил голову набок и недоумённо переспросил:

– Мерс, что? Марки? Какие марки?

– Машин... – совершенно несчастно проронила я, понимая, какую же чушь сейчас несу.

– Сбила? – бросив идею допытываться, что же означают эти слова, ухватился Ива за другое. – В смысле, что-то вас... задавило? Насмерть?

Я видела, как Славка на этом побледнел, но врать не стала и кивнула, озвучивая страшную догадку:

– Похоже, что да.

– А тело?! – ещё более требовательно спросил Ива.

– Ч-что, тело? – не поняла я.

– Тела эти – ваши?

Я невольно дотронулась до своего лица, затем вгляделась в руки, протянула сквозь пальцы прядь длинных волос, окинула взглядом Славку и, зачем-то, Шмеля.

– Конечно...

– И вы, вроде как, – протянула Ива, – живые?

– Ну... да.

Я не понимала, к чему он клонит. Но ответили мне сразу же:

– Тогда, не насмерть. Да и иномиряни у нас – большая редкость. Ты ведьма и лжёшь нам? Признавайся!

– Марьяна никогда не врёт! – вступился за меня Слава.

Шмель на этот раз угрожающе рыкнул уже на Иву.

– Допустим, – кивнул тот. – Тогда, это ещё бОльшая редкость. Проход в другой мир могут открывать только драконы, и лишь единожды в своей жизни. На короткий, очень короткий срок. И ты хочешь сказать, что так совпало, что вас в этот момент сбило... эм, что-то сбило, и вы попали сюда?

Я лишь пожала плечами.

– Я не видела никаких драконов.

Почему-то под пристальным взглядом этого мальчика я ощущала себя, как на допросе и даже успела напугаться.

Он же лишь вздохнул.

– Ладно, ещё разберёмся... Вы останетесь, – вот тут-то и в нём проскочила надежда, – здесь?

– Да... Только сначала мы должны забрать сюда раненного. Мне бы найти что-нибудь в качестве носилок.

– В подвале надо посмотреть, – потеснил бесстрашный Милах моего пса, чтобы подставить мне под руку уже свою голову. – Там всякое навалено, найдём! Заодно расскажешь, – поднял он на меня своё красивое, детское личико, – что такое маркА, – смешно поставил Милах ударение, – и машаня.

– А вы расскажете больше, – погладила я его по волосам,
– о том, как живёте. И о каких драконах всё время говорите.

Глава 8

– Как можно не знать о драконах? – всё удивлялся Милах, впипрыжку идя впереди нас к узким и тяжёлым дверям, что находились за винтовой лестницей. – Их мало, да, но зато какие они! Сейчас ещё меньше стало, но так даже знаменитнее.

– Имеет ввиду, – закатив глаза, перевела мне Ася с детского, – что теперь о них ещё больше говорят.

– Почему? – я помогла им открыть дверь и пропустила вперёд, с удивлением наблюдая, как вместо лампы, свечи, фонарика или факела (я этого ожидала больше всего) дети берут по какому-то камушку из корзины у двери и ударяют ими по стене, чтобы после этого камни вспыхнули мягким оранжевым светом.

– Это плохие разговоры, – мрачно заметила Ася и поспешила перевести тему: – Ты правда из другого мира, да?

– Похоже на то.

– И там тоже была война?

– Это... мрачный разговор, – погладила я её по голове, только вот Ася отступила в сторону. Тоже поди колючка... – Но детей у нас так не обижали.

Она кивнула:

– Да, детей везде небо хранит.

– А скажи, – мы шли по узкому коридору с покатыми стенами, – дети ведь у вас в стране теперь ценны, как никогда. Верно же? Раз много взрослых не стало... Почему же вы тут одни?

Я боялась узнать, что жертв той загадочной, страшной болезни-проклятия больше, чем мне казалось. Но Ася меня успокоила, дав понять, что взрослые кое где остались, хоть и в меньшем количестве, чем раньше:

– Мы ведь на окраине живём, – протянула она, будто устала мне объяснять очевидное. – Город наш – крайний. Он очень, очень большой, тебя это могло сбить с толку, когда слышишь: «живём на окраине». Но мы находимся далеко от центра и от других городов. Вокруг – одни поселения, маленькие и большие. Леса, поля, река и огромное болото.

– Болота поменьше, – встрял Милах в разговор, – осушили. Мы с дедом там бруснику собирали. А Ива охотился со старшим братом. Брат его первым у нас в городе слёг... – закончил он уже совсем не весёлым голосом.

– Да... – кивнула Ася. – В общем, из-за всего этого то тут, то там бандиты завелись. Знали, что люди будут стремиться либо из центра сюда переезжать, когда там неспокойно было. Либо наоборот, отсюда туда, когда вокруг вражеские войска ходили или с едой и прочим проблемы случились. В эпидемию, так вообще многие бежать пробовали. А по пути их раз! – звонко хлопнула она в ладоши, вызывая у Милаха смешок, а у меня мурашки по коже. – И всё, ни денег твоих,

ни тебя, – закончила Ася назидательным тоном. – Вот так-то. Поэтому почти все дети, что были, здесь и остались.

– И в поселениях окрестных, – Милах протянул мне один из камушков, – наверняка тоже.

– Если не померли, – хмыкнула Ася. – Мы туда ни ногой.

– Почему? – камушек был будто стеклянным и наощупь едва тёплым.

– Надеюсь, они не радиоактивные, – прошептал мне Славка, держа такой же, освещая им путь.

А Ася всё молчала, не желая отвечать.

Ива шёл за нами следом молчаливой красной свечой. Таким он мне виделся, когда свет от камня проходил сквозь огненные волосы, освещал кончики ушей и подсвечивал края бордовой рубашки с коротким рукавом.

Остальных, видимо, он с нами не пустил. И хорошо, коридор и так был тесным и гулким. Каждый шаг и слово дробилось и становилось громче.

Но вот он нарушил молчание:

– Потому что страшно... Мало кто из нас далеко заходит. Лучше держаться вместе и не искать приключений.

– Как бы ни хотелось, – вздохнул Милах, тяжело и шумно.

Наконец мы добрались до очередной двери, открыв которую, дети на этот раз вперёд пропустили меня. И я оказалась в помещении, напоминающем скорее не подвал, а большой чердак старинного дома. Только пол был серый и песчаный, а стены бетонные, и окон нет. В остальном, очень похожая об-

становка: сундуки, какие-то доски, мешки со всяким барахлом. И много-много чего ещё, что я тут же принялась рассматривать, даже не сразу обратив внимания на то, что подвал освещён тусклыми крупными кристаллами, встроенными в стены. И они, как люминесцентные испорченные лампы, неприятно трещали.

– А вот оттуда к нам иногда заходят, – добавила Ася, чихая от пыли. – Если решаются и преодолевают путь.

– Софи к нам так попала, – добавил Ива. – Это самая старшая девушка. Она и заболела, наверное, потому что ко взрослым ближе...

– Она пришла, – уж очень хотелось Милаху обратить на себя внимание, – когда ещё хозяйка Дома была жива. А мы: я, Ася и Ива – одни из первых жителей здесь!

– Хорошая была женщина, – тихо проронила Ася, пока я открывала ближайший ко мне сундук, – из своего родового поместья сделала приют. Ходила, собирала малышей по округе. Да люди сами к ней детей отводили.

– Или приносили, – как-то уж совсем мрачно заметил Милах и подозрительно замолк.

Я обернулась к ним, тревожась от посетившей меня страшной мысли.

– Пойдите... А совсем крохи, они... Как же они?

Ася шумно сглотнула:

– Кого успели, вывезли в центр, в Эффир. Остальные были здесь. Но когда хозяйка заболела... Она куда-то их отнес-

ла. Нам сказала, что отдала. Но мы думаем, что она просто не хотела, чтобы мы расстраивались, когда еда для них закончится.

— У нас козы были, — вновь оживился Милах, — с во-о-от такими рогами! — приложил он к своему лбу кулачки с оттопыренными указательными пальцами.

— Но их волки задрали, — добавила Ася, присаживаясь на какой-то мешок.

— А я их прогнал, — улыбнулся Ива. — С одного даже шкуру спустил!

— И мы его съели, — подхватил Милах сначала вроде радостно, хвалясь, но почти сразу зашёлся рыданиями. — Волка, волка бедного съели! — ревел он, пока Ива успокаивающе похлопывал его по спине.

— Так, ладно... — выдохнула я, отворачиваясь от них, чтобы открыть очередной ящик.

Нужно было срочно себя чем-то занять, иначе у меня могут сдать нервы. Сердце не выдержит от жалости и сочувствия. И страха, конечно же.

Что будет с нами дальше?

Со всеми нами...

Разбирая какое-то тряпье, пальцы мои вдруг коснулись холодного металла, и я вынула крепкие и тяжёлые цепи с кандалами.

Это может пригодиться. Они отправились в найденную тут же чёрную тканевую сумку. Туда же полетели и верёв-

ки. И охотничий кинжал в кожаном чехле, и всякие вещички, что показались мне полезными или просто интересными. Последнее, что я нашла, это снятые с петель двери, лежащие под хламом прямо на полу.

– Вот и носилки... – запыхавшись, сказала я, протащив их к выходу. – С двух сторон привяжем канаты, будут ручки, наверх бросим моё пальто, чтобы не прям на досках человеку мучиться. И вчетвером с кем-нибудь дотащим Рейна сюда, – еле вспомнила, какое имя дали дети мужчине, – определим в какой-нибудь комнате на первом этаже. Будет же такая?

Ива кивнул.

– Хорошо, – приободрилась я. – Найди тогда самых крепких своих приятелей и отправь туда. А мы со Славой первыми пойдём, чтобы время не терять.

Слава недовольно сопел у меня за спиной.

Я знала, что он всему этому не рад и наверняка боится. И дети будут бояться идти помогать с незнакомцем. Поэтому, когда они вдоволь поспорят и решаться, я уже окажусь рядом с ним и переложу как-нибудь на носилки.

Так оно и вышло.

Импровизированные носилки были готовы и положены как можно ближе к Рейну. Оставалось решить, безопаснее его перекатить на них или приподнять и положить сначала спиной, а потом ногами?

– Давай просто вот так, – попытался жестом показать мне Славка, – как ковёр сворачивают. Он катнётся и окажется на

них.

– А если у него что-нибудь сломано?

– Ну, – философски изрёк он, пожимая плечами, – тут уж не предугадать. Хуже не сделаем.

Доля правды в этом была. И мы попытались перевернуть незнакомца, я – толкая за плечо, Славка – за бёдра.

Получилось на удивление быстро и удачно. Я только старалась не смотреть на кровавый след, оставшийся на земле и моих ладонях...

Дети подросли вовремя: контролирующая всё Ася и трое мальчишек, менее истощённых, чем все остальные.

Носилки подняли мы все. Пронесли их метров пять, а затем решили тащить, как санки, потому что даже общих усилий, как оказалось, нам не хватило.

– Не выглядит тяжёлым, – отдуваясь, проговорил Славка.

– Но красивый, – расплылась Ася в глуповатой улыбке.

Ну точно, будто подменили её! Правда, спохватилась она быстро и вновь начала делать «взрослый вид», как назвал это Милах недавно. Я случайно услышала.

– Может, не враг всё-таки, не бандит... – прошептал Ива с надеждой.

– Если не дракон, – со знанием дела сказала Ася, – то может быть. А если дракон, то значит вражеский и нам надо его уничтожить или сдать властям.

Как на зло, именно в это момент Рейн вновь приоткрыл глаза и случилось нечто, из-за чего носилки разлетелись на

мелкие щепки, а дети, вскрикнув, разбежались в стороны, как стайка испуганных воробьёв.

На пару секунд у незнакомца выросло большое, сияющее на солнце крыло. Чёрное, кожаное, с будто чешуйками, что переливались на солнце синим и фиолетовым цветом. Лишь одно, с раненной стороны. Всего на несколько мгновений. После чего вновь втянулось за спину и исчезло.

Детей рядом тоже уже не было, только пятки сверкали, так спешили они убратся в укрытие! Один только Славка спрятался за ближайшим деревом. Шмеля я и вовсе нигде не видела... Вот тебе и грозный пёс!

А я стояла над мужчиной и чуть не плакала, не зная, как теперь его дотащить до Дома. И впустят ли нас после этого.

Я же оставить его не могла. Вражеский это дракон, человек или кто-то ещё... Не бросать же на верную смерть?

Глава 9

– Я тебя не задел, милая леди?

Почему-то совсем не ожидала, что он до сих пор будет в сознании и вздрогнула от неожиданности, услышав хриплый от боли голос и поймав на себе его затуманенный взгляд прекрасных, янтарных глаз.

Сам же Рейн, похоже, даже не замечал, что лежал в высокой траве. И пусть смотреть ему на меня приходилось снизу вверх, мне казалось, будто всё было иначе. Словно гордость прочно вшита в нём и её не убавить ни страданиям, ни прочим обстоятельствам. Более того, это не что-то надуманное, это было будто частью этого странного мужчины, некой особенностью, из-за которой я действительно ощутила себя так, будто не он лежит у моих ног, умирающий и слабый, а я стою перед ним, маленькая, напуганная девушка в беде...

– Н-нет... но мог, – вырвалось у меня.

– Я не знал, что рядом девица, мне казалось, что всё ещё идёт бой.

Он не извинялся, это больше было похоже на пояснение действий, только и всего.

А ещё... Девица? Какая я ему девица?! Точнее, определился бы, "милая леди" или девица, раз уж на то пошло!

– Ты враг или друг? – голос мой стал резче.

Ранен он или не ранен, а безопасность деток и моя собственная перевешивает на весах. Я в любом случае не собираюсь его бросать в таком состоянии, но узнать больше не помешало бы.

Он же пронзал меня чарующим, но жёстким взглядом.

– Смотря для кого, – ответил сухо.

И вновь потерял сознание.

Вот ведь! У меня слов не хватало, а выругаться не могла – Славка услышит.

– Ладно, – прошептала сама себе и с облегчением обнаружила, что Рейн всё так же лежал на моём пальто. – Ладно, – повторила уже более решительно и ухватила за края, заставляя швы угрожающе потрескивать. И уже громче: – Слав, иди, помоги мне! И Шмеля бы запрячь... Лошадь такую вырастили, а он ускакал, гадёныш!

– Ты всё ещё собираешься его спасти? – с опаской подошёл Славка. – Он ведь не человек, ты видела!

– Зато я человек, – протащила Рейна на метр по земле и уже устала. – Понятно, Слава? И ты тоже человек. Так что давай, помогай мне!

На удивление, спорить он не стал и, ухватившись за другой край пальто, потащил раненного дракона по едва заметной тропе к приюту.

Провозились мы долго, останавливаясь часто и стараясь по возможности тащить «носилки» по более ровной земле.

– А если они не пустят? – спросил Слава, когда мы оказа-

лись у ворот.

– Пустят, – отчего-то была я уверена.

– А если он, правда, враг?

– Я и так собиралась его привязать на всякий случай.

Узнать наверняка мы всё равно не можем. А там посмотрим...

– А по ступеням его, как затащим? – остановился Славка у крыльца.

Я, поправляя свои волосы, которые то и дело падали на лицо, взглянула на дом. И первое, что увидела, это морду Шмеля, выглядывающего из окна.

Меня разобрал дурной смех. Который прервался быстро, как только дверь дома неожиданно открылась и на пороге показалась бледная, высокая и хрупкая девушка в длинном светлом платье простого кроя.

Я сразу поняла, что это Софи. К голове её был привязан компресс, выглядела она болезненной и старше остальных детей.

За ней тут же показались Ася и Ива.

– Но я хотела посмотреть, – донёсся до меня её тихий, извиняющийся голос. – Вы так много говорили о войне... Он правда, – это уже предназначалось мне, от того и произнесла она громче, – упал с неба?

Я кивнула.

Судя по крылу, вполне мог.

– Ну надо же! – сошла она со ступеней, не обращая вни-

мания на попытки Ивы поддержать её здоровой рукой.

– Осторожнее! – крикнула Ася, не двигаясь с места.

Она была более опасливой и недоверчивой из всех.

– Всё хорошо, – заверила её Софи, и подошла ко мне, приветливо улыбнувшись.

Её волосы, цветом точно пепел, были острижены по плечи и знатно спутались, глаза круглые и бутыльно-голубые, с поволокой. Носик вздёрнутый, на щеках едва заметная россыпь веснушек.

Живи она в моём мире, могла бы пойти моделью, нетипичная внешность.

– Какой красивый... – тем временем рассматривала она дракона. – И неужто правда крылат?

– Ещё как! – показался за её спиной Милах.

– Ты то откуда знаешь? – усмехнулась Ася.

– А я сразу подумал, что он дракон, – принялся хвалиться малыш, но тут же нахмурился: – А вдруг это тот, преступник?

На него со всех сторон зашипели. Дети потихоньку начали подтягиваться к нам и окружать, с любопытством разглядывая всю нашу компанию.

– О чём же речь? – вновь спросила я, вспоминая, что подобные слова уже от Милаха слышала.

Он, под натиском остальных, насупился и замолк. Но Софи, к счастью, не так боялась говорить на неудобные темы:

– Мы ведь никогда драконов не видели, не знаем точно,

каков император наш внешне. И новости последние до нас очень медленно доходят, нам неизвестно наверняка, казнён он или в бегах.

– А за что?

– За измену, покусился на своих, – ответила она и покачнулась.

Славка, как ни странно, первым оказался рядом и подał ей руку. Софи смутилась и отвела взгляд, после чего тихо произнесла:

– Надо занести его в южное крыло, там мы меньше всего бываем, так спокойнее будет.

Дети взволновались и заспорили друг с другом. Похоже, образовалось два лагеря – кто-то хотел помочь «упавшему с неба», а кто-то был против и боялся.

Но победил авторитет Софи, и всеобщее желание оставить меня в Доме.

– Я за хозяйку была, – звенел её голос, – а пока болею, вот, – кивком указала на меня, – взрослая здесь! Слушайтесь, малышня, – захлопала в ладоши, после чего уже знакомые ребята подступили к нам и помогли мне занести раненого в дом.

И пусть мне стало спокойнее, перспектива всё же была сомнительной: Рейн либо заклеимённый преступлением император, либо враг.

Тревожно...

Надо всё же разузнать подробности, но это чуть позже.

Пока бы понять, как быть дальше. Как минимум – есть ли здесь еда... И лекарства, хотя бы какие-то травы. Благо я разбираюсь в этом. Немного, конечно... Я скорее про «вкусно выпить чаю», чем про «лечить», но хоть что-то!

А лечить, по всей видимости, мне нужно двоих. Потому что когда Рейн был определён в отдалённую небольшую комнату, Софи, стоя у двери, вдруг пошатнулась и осела на пол, страшно закашлявшись в локоть, ввергая всех окружающих едва ли не в священный ужас перед загадочной болезнью.

Так что и про «призрачных» близнецов, которых я видела в своём мире и о которых чуть не забыла из-за усталости и волнений, спросить, пока не получится. Есть более срочные дела...

Глава 10

Раненного дракона сковала цепями, устроив его на низкой кровати у окна, Софи дети увели в её комнату. Славка отправился на поиски Шмеля, который, по заверению Милаха, точно находится в Доме, где безопасно. Последнее с треском, но как раз и позволило мне отпустить Славу, при этом беспокойство за пса оставалось таким же, как и было. Он и в родном доме у меня умудрялся найти неприятности, не то, что здесь!

– Целая дыра... – осматривала я дракона, пока стайка любопытных детей толпилась за дверью, не решаясь переступить порог.

На спине под левой лопаткой у Рейна находилась страшная рана, обугленная по краям, будто в него ударили огненным копьём. Я смогла лишь промыть её и перевязать. Для остального нужны, как минимум, лекарства.

Он весь горел. Перевернув его на бок, чтобы не лежал на ране, я коснулась ладонью его плеча, затем лба. И едва не обожглась! После чего, сама от себя не ожидая, застыла очарованная... Словно не странно и уместно было рассматривать его, раненного, возможно погибающего, в этот момент.

Но подобных ему я никогда не встречала. Даже жар от него был особенным, окутывающим меня, словно языками

пламени, но не причиняющим боль. А под его атласной кожей гладкие, твёрдые, как камень мышцы были напряжены до предела. Белые волосы, точно шёлк, я осторожно убрала с его мужественного, красивого лица и не удержалась, чтобы не пропустить пару прядей сквозь пальцы, завороченно наблюдая, как свет угасающего солнца делает их серебряными и стальными.

На миг мне показалось, что губы Рейна дрогнули, словно он вот-вот что-то скажет, но из них не вырвался даже стон...

Что ж, похоже, я по-прежнему одна в этом доме из взрослых. И должна поспешить сделать всё, что могу на данный момент.
Поэтому, пока ещё не стемнело, я попросила Иву показать, чем они лечат Софи, и чем питаются дети. Быть может и для дракона здесь найдётся какое-нибудь лекарство?

Но ждало меня разочарование.

– И это всё?

Мы стояли то ли на кухне, то ли в просторной кладовой напротив массивных шкафов из красного дерева, что занимали всю стену. А на полках... почти ничего.

Я насчитала двадцать пять баночек с какими-то соленьями, пять с мясом, вроде тушёнки, как я поняла из слов Ивы, три пакетика с травами. Судя по всему: липа, календула и что-то вроде чая. Несколько баночек со специями, к которым дети даже не притрагивались. Корзинка с тонкими... лавашами? Только сухими, как чипсы. Ива назвал их «леп-

ники». Как я поняла, это совсем простые, практически безвкусные лепёшки, которые становятся мягкими, только если что-то на них намажешь. Мазали они варенье, от которого остались только разводы на стенках банок. Вся мука, какая у них была, закончилась пару недель назад. Осталось лишь два холстяных небольших мешочка с сухофруктами, один с орешками, которые Ася по одному выдавала детям каждый день, и горсть ягод. С виду – шиповник. Я почти уверена. И это успокаивает – судя по всему, в основном травы и прочее в наших мирах совпадают.

Про плоды, растущие во дворе, я спросила тоже, но ответ мне не понравился:

– Они не съедобные.

– Жаль... – вздохнула я, ставя на место высокую баночку.

В ней нашлась соль.

– Как вы вообще выживаете? – в очередной раз задалась я этим вопросом.

Ива передёрнул плечом:

– Я охочусь и хожу на рыбалку. Сейчас с этим сложнее, конечно, – дотронулся он до своей больной руки. – Софи следила за чистотой в доме, как могла.

Я невольно огляделась. Здесь, как и во всех других комнатах, царил беспорядок, но могло быть и хуже... Понятное дело, что пятнадцатилетняя девочка не могла уследить в одиночку за таким большим домом и тридцатью детьми. А находилось здесь именно столько, по словам Ивы.

Он умел считать. Софи – читать. Все остальные – нет.

– Так же она следила, – продолжал Ива, – чтобы мы иногда мылись. Но здесь уж, кто победит... И кто не полениться на-таскать для себя воды. Ася отвечала за малышей, таких, как Милах. А за тех, что постарше, ответ нёс я. Их уже можно отправлять за территорию дома по всяким поручениям или брать с собой на охоту. Они слушались и не мешались, как делали малыши.

– Вы молодцы, – я опустилась на засаленный старый стул, – всё так организовали! Не каждый взрослый бы в подобной ситуации сориентировался.

– Да оно как-то само собой, – протянул Ива, будто ему совсем не польстила моя похвала.

Да, похоже, так и было, он выглядел слишком уставшим, чтобы реагировать на такое.

– Кстати, – вспомнила я, – дети ведь обычно не выходят за пределы территории? Но Асю с Милахом я встретила на улицах города.

– Обычно не выходят. Но иногда сбегают, или по делам устраивают вылазки. Милах, наверное, снова пошёл на поиски припасов, а Ася на его поиски... Дома же некоторые уцелели, в них могли сохраниться вещи или еда. И пару колодцев в отдалении осталось, проще, хотя и не безопаснее, за водой ходить к ним. Но не одни мы это понимаем и если враги нагрянут, наверняка тоже могут пожить или вообще осесть там на какое-то время. Уже подобное было. Поэтому

мы опасаемся...

Он вдруг поморщился и тихо-тихо зашипел сквозь зубы, замолчав.

– Больно? – кивком указала на его руку.

Ива лишь едва заметно кивнул.

– Дашь посмотреть?

Он колебался, но в итоге подступил ближе, и я осторожно сняла с него повязки, чтобы увидеть припухшую, едва не почерневшую руку.

Похоже и правда, перелом...

– Так, ладно, – дрожащими пальцами наложила повязку снова, затянув её чуть туже, чтобы рука меньше двигалась. – Ничего, всё будет хорошо, – погладила Иву по огненным волосам.

И тут-то парнишку прорвало. Видимо, участие и ласка пробили-таки несвойственную ребёнку скорлупу и слёзы градом покатались из его глаз. Бесшумно.

– Мы всё поправим, – зачастила я, начав метаться по кухне в поисках чего-нибудь, что могло помочь. – Слышишь? Все вы поправитесь! Обязательно. И больно тебе скоро не будет.

– Хорошо, – шепнул он, отступая к двери, – я тебе поверю. Я пойду... – и скрылся в коридоре.

Видимо, не привык показывать слабость, слишком уж вжился в роль старшего в их большой, вынужденной семье.

Я осталась в одиночестве.

За маленьким окошком, деревянный подоконник которого был заставлен горшками с засохшими растениями, сгущались синеватые сумерки. Лучи солнца окрашивали красным широкие листья винограда и проходили сквозь высокую лебеду.

Лебеда, это хорошо... Её можно есть.

Но больше всего меня порадовала найденная баночка в виде мини-бочонка с какой-то мятной мазью. Немного мёда. И... судя по запаху, в небольшом зелёном пузырьке, что я вынула из дальних закров шкафа, был спирт.

Можно сделать настойку. Или обрабатывать им раны.

Надо же, в какой ситуации я оказалась, что даже такие мелочи вселяют в меня чуть больше уверенности и спокойствия... А ведь, по сути, в моём мире это было бы ничто.

Пока я размышляла, планируя, что из всего найденного может помочь Иве, Софи или дракону, кончики моих пальцев начали слабо мерцать мягким, золотым светом. Я даже не сразу это заметила. А потом замерла, широко распахнув глаза, вглядываясь в свои ладони...

Глава 11

Магия?

Страх, который должен был бы охватить меня, почему-то всё никак не брал верх. Побеждал какой-то детский восторг, смешанный с надеждой. Будто я вдруг поняла, что смогу справиться! Не знаю, каким образом, но смогу, со всем. Словно в руки мне некие невидимые силы вложили инструмент, который так слился со мной, что стал единым целым. Или который... и без того у меня был, просто в том мире, в котором жила до этого дня, он был незаметен и никак не мог выйти наружу.

Откуда-то я просто знала, что делать... И дотронулась до веточки трав, что минутой ранее выложила на стол.

Я знала название и совсем немного свойства этих растений. Теперь же мои знания словно обострились, вспомнились детали, а сами травы будто сделались более целебными. Как если бы сила, которую я ощутила на кончиках пальцев, могла вытянуть из них на передний план именно то, что мне было нужно. В данном случае – противовоспалительные и заживляющие свойства.

Будто находясь во сне, даже видя всё через некую дымку, я, уже будучи в полумраке, растёрла в порошок несколько стеблей, добавила мяты и той мази, которую нашла, подогре-

ла, отыскала чистые льняные полотенца вместо бинта. И уже на пути к Иве окончательно осознала произошедшее...

Если у меня есть дар к целительству и откликается он на мои знания, мне бы книгу о медицине (интересно, на каком она уровне в этом мире) или травах. Я бы училась, а дар мой всё усиливал!

Мысли так захлестнули меня, что сделалось... больно.

А что, если и правда всё так (я сомневалась, начав думать, что и правда нахожусь во сне или слишком понадеялась на магию из желания помочь детям и сейчас разочаруюсь...) и я могла бы предотвратить множество потерь, появившись в этом мире чуть раньше... Вдруг и от той страшной болезни могло найтись лекарство? И все эти дети не остались бы одни.

Ну да думать о несбыточном и тем более о не произошедшем – себе дороже!

Я тряхнула головой, отгоняя от себя всё лишнее, поднялась по ступеням на второй этаж и отыскала комнату Ивы.

Она была узкая, но с двумя окнами. Мальчишка лежал на соломенном тонком матрасе в углу. А на придвинутом к противоположной стене сундуке горой возвышались всякие вещи. Пол здесь был дощатым и скрипучем. То тут, то там в нём виднелись тёмные щели, сквозь которые с тонким-тонким свистом проходил сквозняк.

Нехорошее место для спальни...

Будить Иву я не стала, просто вновь освободила его руку, нанесла мазь и забинтовала уже чистой тканью.

К Софи же направилась, держа в руках тяжёлую глиняную чашку с отваром, который должен придать сил и унять её кашель. Я почти уверена, что больна она никакой не магической болезнью, а бронхитом с воспалением лёгких.

Увидев же, в какой коморке из камня жила она, я окончательно в этом уверилась! Даже меня пробрал холод, а одета я не по летнему... Ещё и в соседней комнатке обнаружилась медная старая ванна с двумя вёдрами воды рядом. Хоть Софи и выглядела растрёпанной, а одежда и сама она была в безупречной чистоте. Не удивлюсь, если мылась и стирала девочка в холодной воде...

Хорошо хоть спала она, укрывшись лисьей шкурой!

– Тепло, – провела я по меху ладонью, напоив Софи отваром.

– Да, Ива подарил, – улыбнулась она мне.

– Заботится о вас...

– Как старший брат, – кивнула Софи, – хоть он и чуть младше меня. А ты, – не меняя тона, внезапно спросила, – дракона вылечишь?

– Вылечу, – ответила с неожиданной для самой себя уверенностью. – Конечно.

– Хорошо, – сонно уткнулась Софи в подушку, – он не выглядит плохим... я его в мужья возьму, – закрыла она глаза.

Видимо, последнее произнесла, находясь уже в полудрёме и я, тихо усмехнувшись, покинула её комнату. А на коридоре едва не столкнулась со Славкой, ведущим на поводке ра-

достного Шмеля.

– Он гонялся за голубем на крыше, – мрачно поведал Слава и за крыло протянул мне тушку. – Ну, или на смотровой площадке, я не разобрался, как это назвать. Там у дома типа башенка есть с выходом наверх. И вот... Чуть нашёл!

– Молодец. А голуби, это хорошо, – сощурившись, проговорила я, едва не покачиваясь от усталости.

По сути, мы не спали уже целые сутки. В нашем мире был поздний вечер, когда мы перенеслись сюда. И вот, здесь уже наступила ночь. А мне бы ещё сделать что-то с раной дракона...
 – Марьян, – дёрнул меня Славка за рукав, – ты в порядке?

– Д-да... Знаешь, ты иди к Иве, переночуешь с ним, хорошо?

– А ты? – видно было, что ему очень хотелось поспорить, но делать это он опасался, видя, насколько я вдруг сделалась замученной.

– А я побуду с раненым.

Сказано – сделано.

И вот я уже зашиваю его атласную кожу длинной тупой иглой, которую удалось найти в шкатулке, которую я бросила в свою сумку вместе с остальными вещичками из подвала.

Дело это оказалось сложным, в фильмах всё выглядело совсем не так! Ещё и неверный свет от огарка свечи заставлял плясать вокруг причудливые, пугающие меня тени!

Но пальцы мои вновь мерцали мягким золотом, и это об-

легчало задачу мне и самому дракону, дыхание которого сделалось частым и прерывистым. Зато жар постепенно отступал, а кровь прекращала сочиться из раны.

И когда я со всем закончила, Рейн схватил меня за запястье, не позволяя отойти от постели.

Внутри у меня всё оборвалось. Пусть дракон и был в цепях, но я находилась слишком близко, а хватка у него оказалась на удивление крепкой.

Огонёк свечи погас, в приоткрытое окно выпорхнул мотылёк вместе с сизой ленточкой дыма. Дверь в коридор была плотно заперта. Да и не звать же на помощь детей? А Шмель охранял Славку, наверняка смирившись с его присутствием и позволив тому лечь на свой мохнатый бок. Даже если я закричу, и пёс услышит меня отсюда, то мы перепугаем всех...

– Ты кто такая? – прохрипел дракон, пронзая меня взглядом горящих во тьме глаз.

И я подумала, что лучше уж всех перепугать, чем оставить детей одних. И разомкнула губы, чтобы закричать.

Только вот Рейн предвидел это, резко притянул меня к себе и ладонью зажал мне рот, зашипев, щекоча мне шею своим обжигающим дыханием:

– Тише, тише, птичка...

И я начала мысленно прощаться с жизнью, спиной ощущая его крепкую грудь и чувствуя, с какой лёгкостью меня сжимают, будто в смертельных объятиях, сильные руки дракона.

Глава 12

– Пусти! – я боялась вырываться, думая, что тогда он лишь сильнее сдавит меня.

Пусть и раненный, а я буквально ощущала силу под его кожей, как если бы прикоснулась к тонкой грани, за которой бушует огненная буря...

– Нет смысла меня держать, – язык от страха онемел, теперь у меня выходило лишь шептать, судорожно вдыхая прохладный воздух, – я ведь тебя спасла.

– Спасла? – усмехнулся он мне в шею, и по спине моей пробежала россыпь мурашек.

– Д-да... Я тебе не враг.

– Я и не опасался, птичка, что ты мне враг, – на этот раз в голосе его звучала досада.

Впрочем, здесь я понять его могла. Вряд ли дракон мог видеть во мне угрозу. Но понять можно и меня! Ведь, если угрозы он в такой, как я, не видел, то с чего вдруг такая реакция? У меня вот-вот и рёбра затрещат от его хватки!

– Но, кто ты такая? – договорил он.

– Марья... – я пискнула и осеклась, когда объятия Рейна ослабли, но ладонь его скользнула вниз по моей талии и сдавила бедро.

Хочется думать, что это потому, что так Рейну было удоб-

нее лежать. И не думать, что мне... приятно. Потому что в таком случае, всё-таки можно решить, что я сошла с ума. Ведь это последнее, о чём я должна сейчас думать!

Или виной всему некая особая притягательность их расы? Вот у меня и сбивается дыхание не только лишь от одного страха...

– Марья, значит, – протянул он, словно пробуя моё имя (точнее, ту его часть, что услышал) на вкус. И, похоже, остался вкусом этим весьма доволен. – Красиво, необычно звучит. В Эффире девиц так не зовут. А город тот славится красотой, во всех её проявлениях. Я считаю, напрасно... Красота, вот она, где...

Вторая его рука скользнула к моей груди, обжигая. И у меня перехватило дух, что ввергло меня в панику.

– Как сильно бьётся сердце... – прошептал дракон.

Будто ради того, чтобы проверить, сделал это! Так я и поверила, как же!

А сердце моё и правда колотилось, как бешеное.

– Мы тут, что, – процедила сквозь зубы, – светские беседы ведём? Отпусти меня, нахал!

Он хрипло и тихо, почти шёпотом, рассмеялся. Но руки сдвинул, теперь просто меня обнимая.

– Где я и кто ты, Марья? – повторил вопрос.

– С этого дня, похоже, я хозяйка сиротского приюта. Ты упал за его территорией. С неба, – выдавила из себя, всё ещё не привыкнув, как нелепо это звучит. – Это приют, – повто-

рила зачем-то.

И напрасно. Потому что, видимо, дракон на самом деле не совсем очнулся, а находился в полубреду:

– Что ещё за приютский сирот? – выдохнул он устало. И добавил: – А я, кто?

Не выдержав всего этого, я рискнула повернуться к нему. Как ни странно, это сделать он мне позволил, хотя объятий своих и не разжал.

Вглядываясь в его сосредоточенное, будто вырезанное из мрамора лицо с мерцающими, как драгоценные камни глазами, было страшно. Но это и завораживало...

– В каком смысле, кто? Я хотела тебя спросить о том же, – голос мой на этот раз звенел сталью.

Как если бы я сердилась на Рейна, а не испугалась его ещё больше, сама не знаю, почему.

Он какое то время тоже рассматривал меня, затем прикрыл веки, глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

– Дожили... – на губах его появилась горькая, призрачная улыбка. – Я ничего не помню... Представляешь, Марья, милая леди, я ничего не помню...

Он так и заснул, притянув меня к себе, заставляя слушать его дыхание и гулкое биение сердца. Я лежала тихо-тихо до самого утра, любясь им в лунном свете, пока не заметно для самой себя не уснула.

А первое, что сказала, проснувшись, было:

– Знаешь, хватит с меня мужчин!

Хоть он и держал меня крепко, но видно не ожидал, что я так резко попытаюсь от него оттолкнуться, ладошками ударив в его крепкую горячую грудь.

Цепи звякнули, когда Рейн попытался подняться, рефлексивно пробуя поймать меня вновь. Но я, упав на пол, спешно отпрянула от кровати.

– У тебя их было так много? – изогнул дракон бровь.

Щёки мои вспыхнули, хотя я и не собиралась, что-либо ему объяснять. Какая разница вообще, что именно он там обо мне подумал?

Я же всего то и вспомнила о своём бывшем женихе.

Надо же, со всеми этими происшествиями даже не успела отгоревать по ушедшей любви и дружбе...

Может и к лучшему. Уж лучше оказаться в другом мире, чем вариться во всём этом!

Ну, или мне легче себя в этом убеждать сейчас, чтобы не тосковать по родному дому, людям... еде. Чтобы не бояться новой реальности.

– Сколько бы ни было, – решила всё же ответить дракону, – тебя это не касается. И не даёт право трогать меня, будто куклу!

– Для куклы, – окинул он меня цепким взглядом, – ты не так хороша... Что за одежда на тебе? Ты будто парень, вернувшийся с работ в лесу.

Я застыла на месте, пытаюсь понять, как реагировать, а Рейн тем временем продолжал:

– Впрочем, это исправимо. И при свете дня ты...

– Может, – прервала я его, – мне тоже взяться тебя оценивать? Бледный, слабый, самонадеянный нахал! Свалившейся детям и мне на шею и даже не имеющий совести поблагодарить за помощь!

– О, – он натянул на себе цепи, – боюсь, я не разобрался, что нахожусь не в плену, – протянул с сарказмом.

Но этим уже было меня не смутить.

– Мера предосторожности, – сложила я у себя на груди руки, стараясь выглядеть как можно более невозмутимо и уверенно, – здесь всё-таки дети, послевоенное время, а ты – крылат. И не отвечаешь, свой или чужой.

– Даже если бы помнил и сказал, – уже без яда в голосе произнёс он, – поверила бы разве?

Я закусила губу, отводя взгляд, задумавшись.

– Рейн, просто... – собралась было сказать, сама не знаю, что, но он перебил.

– Рейн?

– Дети, – улыбнулась, а сама, почему-то, едва не разрыдалась, – так называли.

– Дети... – прошептал, прикрывая веки. – Последнее, что я помню, было как-то связано с детьми...

На этом наш странный разговор прервался, ведь дверь в комнату открылась и на пороге, боясь его перешагнуть, столпилось с десятков ребят.

Они шушукались между собой, любопытными и боязли-

выми взглядами пытались рассмотреть дракона, пока самый смелый, в лице Милаха, конечно же, не выступил вперёд и не потребовал у меня с детской верой и наивностью во всемогущество взрослых:

– Мы хотим есть!

Глава 13

Милах подступил ко мне ближе, запрокинув голову, вглядываясь в моё лицо очень и очень старательно. Будто так я его не попрошу выйти, и он украдкой сможет рассмотреть и дракона. Почему-то я очень хорошо это понимала и пусть сама ещё не отошла от общения с Рейном, не смогла не уступить малышу. Помедлила, не спеша его выгонять, ответила на месте:

 – Есть?

– Ага, – закивал он с такой охотой, будто я уже успела что-то всем предложить и Милах готов съесть это «что-то» прямо здесь и сейчас.

– Так... – глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь собраться с мыслями. – А чем вы обычно завтракаете?

– Ася выдаёт по орешку, а там, как придётся! Обычно ужинаем лучше, ведь Ива может что-то вечером принести. Ну, и чтобы мелкие Асю не будили ночью, надо на ночь поесть. Но сейчас, – он то и дело переводил на дракона горящий любопытством взгляд, – мы не хотим голодными ходить! Ты ведь здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.